

Секция 2. ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ НА ПРАКТИКЕ

УДК 159.964+615.851+001.85+133

Зенько Юрий Михайлович
(Санкт-Петербург)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ К. ЮНГА, КАК ПСЕВДОНАУЧНОЕ, ОККУЛЬТНОЕ, АНТИХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

Аннотация: Анализ основных идей и терминов аналитической психологии, а также биографических сведений ее основателя Карла Юнга (1875–1961), показывает, что с христианской точки зрения концепция Юнга есть духовно вредное, антихристианское учение, а с научной точки зрения оно является оккультизмом, маскирующимся под психологию.

Ключевые слова: Карл Юнг, аналитическая психология, архетип, прообраз, первообраз, бессознательное, воображение, фантазия, видения, откровения, сновидения, самость, мандалы, даосизм, гностицизм, алхимия, оккультизм, антихристианство, христианство, Христос, Боговоплощение, Святая Троица.

С именем Карла Густава Юнга (1875–1961) в европейской психологической и культурной традиции ассоциируются впол-

не определенные идеи: бессознательное, архетипы, экстро- и интровертированность и т. д. И первое, с чего здесь приходится начинать, так это с опровержения некоторых устоявшихся стереотипов. Так, например, термин *бессознательное* не является собственным изобретением Юнга, он использовался в то время многими психологами и психиатрами — в первую очередь, конечно, психоаналитической школой и самим З. Фрейдом. Но в жизни Юнга было столько проявлений бессознательного — видений, голосов, особых снов, и т. д., сколько для трезвого и рационального Фрейда просто немислимо. Метод Юнга исходит именно из личного опыта бессознательного. В самом начале своих воспоминаний Юнг писал: «Моя жизнь — это история самореализации бессознательного. Все, что есть в бессознательном, стремится реализоваться, и человеческая личность хочет развиваться из своих бессознательных источников, ощущая себя как единое целое» (Воспоминания. 1998, с. 16).

При всей центральности понятия бессознательного для Юнга, нельзя сказать, чтобы оно было им подробно объяснено. А поскольку оно превратилось в универсальный объяснительный принцип всей юнговской системы, то постольку и вся его система построена на песке: без должного обоснования и методологического анализа. Неудивительно, что при таком подходе к бессознательному произошло его непомерное расширение, а по сути — его мифологизация. Юнг писал: «я предпочитаю термин “бессознательное”, хотя знаю, что могу с тем же успехом говорить “Бог” или “демон”...» (Воспоминания. 1998, с. 409). Или еще лучше: «“мана”, “демон” и “Бог” — синонимы “бессознательно”...» (там же, с. 409). Оставим на совести Юнга не различение им Бога и демонов (хотя, прямо скажем, это более, чем странно). Не менее странно упоминание Юнгом «мань». Это — безличная энергия, которой якобы обладают шаманы или колдуны. В общий научный обиход этот термин пришел из этнографии, изучавшей верования диких племен. Таким образом, в результате своего «синтетического» подхода Юнг не различает личность и безличное, Бога и демонов.

Еще чаще с именем Юнга связывают понятие «**архетип**» (образ, первообраз). Но задолго до Юнга этот термин использовался в древнехристианской традиции. Евагрий Понтийский (IV в.) писал: «Всегда старайся изобразить образы, взирая на Прообраз, и не пропустить ничего из того, что содействует обретению

отпавшей [от истины души]» (Евагрий Понтийский, 1994, с. 119). Переводчик так комментирует это место: «Евагрий использует распространенную в святоотеческой письменности пару понятий Архетип-образ, применяемую в отношении Бога и человека...» (там же, с. 266). По христианскому учению человек создан по образу Божьему, и поэтому, с этой точки зрения, Первообразом, Архетипом является Бог; человек же является всего лишь образом (и часто несовершенным) этого Первообраза. В таком понимании понятие Архетипа является исконно христианским и используется многими христианскими богословами: Григорием Нисским, Феодором Мопсуестийским и др. (там же, с. 266–267).

Юнговские же «архетипы» не имеют ничего общего с христианством. Но что же они такое? Есть несколько их рабочих определений, но в конце концов, Юнг вынужден был признать: «я осмеливаюсь утверждать, что феномен архетипических структур, каковые представляют собой психические явления (и только) — опирается на *психиодную* основу, т. е. на — лишь отчасти — психическую, но, вероятно, совсем иную форму бытия. За недостатком эмпирических данных я не обладаю ни знанием, ни пониманием этих форм, называемых обычно “духовными”. С наукой это никоим образом не соотносится, но я в это *верю*. И здесь я вынужден признать свое невежество» (Воспоминания, 1998, с. 427). Это, конечно, очень важные и принципиальные слова — особенно для тех последователей Юнга, которые любят подчеркивать *научность* созданного им учения.

Интересно юнговское личное отношение к архетипам: «Архетипы патетичны и высокопарны, что меня раздражало. Мне это действует на нервы, как если кто-то скребет ногтем по штукатурке или ножом по тарелке» (Воспоминания. 1998, с. 220). И это не случайно, и все станет намного яснее, когда речь пойдет о конкретных архетипах. Так, например, Юнг писал об «архетипе мудрого старца»: «Если бы имя “Люцифер” не обросло всякого рода предрассудками, оно *полностью* (выд. нами — Ю. З.) подходило бы этому архетипу» (там же, с. 125). И в другом месте: «Дьявол есть вариант архетипа Тени, т. е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека» (Психология бессознательного. 1991, с. 101). Таким образом, один юнговский архетип — Люцифер, а другой — дьявол, так что, как говорится, умному — достаточно. О Люцифере Юнг писал и в другом месте этой работы: «Если же Я уступает лишь отчасти и может спастись от полной поглощен-

ности путем утверждения самости, то оно может ассимилировать внутренний голос, и тогда окажется, что зло было лишь злой видимостью, а в действительности — носителем блага и просветления. «Люциферическим» в самом исконном и недвусмысленном значении этого слова является внутренний голос» (там же, с. 392).

«Люцифером» в самом недвусмысленном значении этого слова называют в христианстве *сатану*, который был когда-то носителем света (как переводится с греческого его имя), но стал падшим светом и по слову Христа спал с неба (Лк. 10, 18).

Что касается **научной** достоверности аналитической психологии Юнга, то «все наиболее известные идеи Юнга — об архетипах (1919 г.), коллективном бессознательном (1916 г.) и индивидуации (1916 г.) — строятся на представлениях, характерных для психологии и биологии XIX века и в настоящее время признанных ошибочными» (Нолл. 1998, с. 417). И далее: «Они могут представлять определенный интерес с метафизической или философской точки зрения, но современные исследования в когнитивной и неврологической области не дают абсолютно никаких независимых свидетельств в пользу достоверности этих утверждений Юнга» (там же).

Что же является основой и источником аналитической психологии Юнга? Идея юнговских архетипов явились из его неуемных и неконтролируемых **фантазий**. О них сам Юнг писал: «Перед фантазиями, охватившими меня, столь волновавшими и, можно сказать, управлявшими мною, я чувствовал непреодолимое отвлечение, и неизъяснимый ужас» (Воспоминания. 1998, с. 221). Именно таковы, согласно святоотеческой традиции, впечатления от общения с падшими духами, против которого св. отцы всячески предостерегали. Но Юнг вступил с ними в контакт: в одном из его видений ему явились седобородый старик (назвавшийся Ильей-пророком!), слепая девушка (Соломея) и большая черная змея (там же, с. 224). Старик потом преобразился в Филемона, который стал для Юнга учителем и представлял для него «некий высший разум» (там же, с. 227). Интересно будет отметить, что потом Филемон превратился в другой образ, который Юнг назвал древнеегипетским словом Ка (там же, с. 228). Вот как сам Юнг его описывает: «В выражении лица Ка было что-то демоническое, я бы сказал: мефистофельское» (там же). А проще и точнее можно сказать — бесовское. Это воистину тот случай, когда автор сказал ту правду, которую сам не понял, или не хотел понимать.

Гипертрофированное воображение привело Юнга к разнообразным видениям и «откровениям»: «видение — само по себе — для меня дело обычное, я довольно часто вижу живые и яркие образы, как это бывает в гипнотическом состоянии» (Воспоминания. 1998, с. 258); «Я должен был спешить вперед, чтобы успеть за моими видениями. Естественно, что никто вокруг не мог видеть то, что видел я, поэтому все видели только глупца, который вечно куда-то спешил» (там же, с. 432).

Юнг о своих **сновидениях**: «Они с самого начала определили мой путь» (там же, с. 432). «Первое откровение», о котором писал Юнг, было ему в сновидении в раннем детстве и преследовало его много дней. «Гораздо позже я понял, что это был образ фаллоса, и прошли еще десятилетия, прежде чем я узнал, что это ритуальный фаллос» (там же, с. 27). Именно это «откровение» имело для Юнга особую важность: «Моя интеллектуальная жизнь бессознательно началась в этот момент» (там же, с. 30); «Благодаря этому сну я был посвящен в тайны земли» (там же). Имеющий уши слышать, да слышит: «Это было посвящение в царство тьмы» (там же, с. 30). Неудивительно, что после всего этого произошло с маленьким Юнгом: «Я начал не доверять Христу» (там же, с. 25); «Я ненавидел хождение в церковь» (там же, с. 35).

Особая тема — отношение Юнга к **христианству**. Аниэла Яффэ в предисловии к юнговским «Воспоминаниям...» писала: «Юнг доказал свою верность христианству, и наиболее важные его работы касаются проблем христианства» (Воспоминания. 1998, с. 12). Но, это не так. Его работы не просто «касаются» христианства, а попирают и поносят его. Не единожды Юнг мрачно говорил: «Они бы сожгли меня, как средневекового еретика!» (там же, с. 11). Сейчас не средневековье, но Юнга не надо было сжигать по другой причине: католическая инквизиция сжигала *еретиков*, т. е., все-таки, *христиан*, хотя и уклонившихся от церковных основ. Юнг же не принадлежал ни к одной из христианских конфессий, не уважал и не признавал ни христианскую церковь, ни одного из христианского догмата.

Центром христианства является *Христос*. Вот что о Нем писал Юнг: «Бог Иисус казался мне в каком-то смысле богом смерти, полезным, правда, тем, что отгонял страхи ночи, но вместе с тем это был жутковатый, распятый на кресте кровавый труп» (Воспоминания... 1998, с. 28). В студенческие годы Юнг также не обходился вниманием Христа: «мне в принципе не нравилась тен-

денция придавать Христу слишком большое значение и делать из него единственного посредника между людьми и Богом» (там же, с. 128). Юнг вообще придерживался *гностического* разделение человека и Бога в Иисусе Христе, то есть Иисус есть человек, в которого впоследствии воплотился Христос. Юнг выступал против самой возможности Боговоплощения, для него Христос так и остался только «сыном плотника» (там же).

Непонимание христианского символа Троицы и идея «четверицы» от Юнга перешли и к его последователям. Так, например, Р. А. Джонсон писал: «Один и четыре — это “хорошие” символы. Два и три символизируют затруднения, нестабильность и неполноту... Когда в жизни доминирует троичность, наступают тяжелые времена; тогда три либо должно уменьшиться до единицы, либо увеличиться до четырех» (Джонсон. 1996, с. 92). «Можно попробовать приложить эту числовую символику к христианскому учению о Святой Троице... Для достижения целостности и стабильности троичному символу воплощения Бога необходимо превратиться в четверичный» (там же, с. 93). И более того: «Мы живем в эпоху перехода человеческого сознания от приоритета троичной символики к приоритету символики четверичной» (там же). Христианская церковь на первых Вселенских соборах однозначно сформулировала и утвердила свое учение о Св. Троице, оградив его от всех внешних поползновений и внутренних разномыслий. И уже в IV в. свт. Василий Великий не без юмора писал об идее «учетверения» одному из своих адресатов: «Или и у тебя в предпочтении это всем известное ныне учетверение, ибо не столько пифагорейцы предпочитают четверицу, сколько сборщики общественных доходов предпочитают ныне учетверение» (Василий Великий. Т. 2. 2008, с. 480–481).

Теперь перейдем к анализу отношения Юнга к **христианской Церкви**. Вот как Юнг вспоминает о своем первом *причащении* (в протестантском его варианте): «Неожиданно подошла моя очередь. Я съел хлеб — он был невкусным, как я и ожидал. Вино — я сделал лишь маленький глоточек — было слабым и кислым, явно не из лучших» (Воспоминания... 1998, с. 75). Юнг ожидал чуда: «я готовился к нему со всею серьезностью, надеясь, что переживу просветление и чудо благодати, — и ничего не случилось» (там же, с. 77). Но стремление к благодатным состояниям со святоотеческой и обще церковной точки зрения есть *прелесть*.

Несколько примеров эскапад Юнга против христианства:

– «Христианские народы пришли к печальному итогу: христианство застыло и оказалось неспособным развивать свой миф на протяжении веков» (Воспоминания. 1998, с. 402);

– «Рим кишел мистериальными религиями. Одной из них было христианство, которое даже в своей теперешней форме, хотя и в едва узнаваемом и дегенерировавшем виде, сохранило древние церемонии инициации в виде крещения, конфирмации и причастия» (Психология бессознательного. 1991, с. 230).

Может быть, духовным шатаниям Юнга и его пренебрежению к христианству, мог способствовать его дед, который «был масоном (вольным каменщиком), Великим мастером Швейцарской ложи» (Воспоминания. 1998, с. 284).

Есть точка зрения, что «взгляды Карла Густава Юнга на христианство эволюционировали, эта эволюция шла от отрицания к утверждению» (Узланер. 2007, с. 93). Но весь приводимый нами материал, и анализ других исследователей показывает, что это не так. Как пишет об этом Р. Нолл: «Юнг в течении многих лет представлялся как христианин, но приватно практиковал язычество. Кроме того, даже в последние годы жизни он рассматривал иудео-христианскую ортодоксию в качестве своего личного врага и врага жизни как таковой» (Нолл. 1998, с. 14–15).

И в этом контексте более, чем интересен следующий факт: «Р. Халл, основной переводчик юнговского “Собрания сочинений” на английский язык, выразил возмущение тем, как юнговская семья и Аниэла Яффе удалили или смягчили такое большое количество открытых высказываний Юнга относительно христианской теологии...» (там же, с. 15). То есть антихристианства в текстах Юнга было бы намного больше, чем есть теперь. Для Юнга, так же, как и для современных нью-эйджевцев, близится эра Водолея, которая «сменяет эру Рыб» (Воспоминания. 1998, с. 412), т. е. христианства.

Для понимания всей психологической системы Юнга одним из важнейших является термин «**самость**». Вот что Юнг писал о нем: «Когда мы говорим о человеке, то имеем в виду неопределимое целое, невыразимую тотальность, которую можно обозначить только символически. Я выбрал для этой целостности, общей суммы сознательного и бессознательного существования термин “Самость”» (Психология и религия. 1991, с. 185). Имеющий же уши, безусловно, услышит и правильно истолкует откром-

венное признание самого Юнга: «Термин был выбран в согласии с восточной философией, которая веками занималась теми проблемами, которые поднимаются даже там, где боги исчезают, чтобы стать людьми» (там же, с. 185).

Не случайно, как это делает, например, Дэвид Роузен, рассматривать жизнь Юнга и его труды в **восточной** перспективе. Он озаглавил свой труд о Юнге ни меньше, ни больше, как «Дао Юнга: Пути целостности» (Роузен. 1997).

И сам Юнг писал о себе: «Когда я начинал свою психиатрическую и психотерапевтическую практику, я был совершенно невежествен относительно китайской философии, и лишь впоследствии мой профессиональный опыт открыл мне, что в своих методах я бессознательно следовал тому тайному пути, который в течение столетий занимал лучшие умы Востока» (цит. по: Роузен. 1997, с. 147).

Юнг постоянно рисовал восточные **мандалы** и все время обращался к восточной символике. Это не случайно, по Юнгу мандала является архетипическим образом, обозначающим целостность Самости (Воспоминания. 1998, с. 406). С его участием и поддержкой были переведены и изданы китайский трактат «Тайна золотого цветка» и «Тибетская книга мертвых». Он активно приветствовал появление в Европе и Америке дзен-буддизма. К слову сказать, Юнг сам пишет, что он занимался йогой (Воспоминания. 1998, с. 220).

Особенно близок Юнгу был **даосизм**: «я утверждал, что всякий образ мыслей обусловлен определенным психологическим типом и что всякая точка зрения в каком-то смысле относительна. При этом вставал вопрос о единстве, необходимом для того, чтобы компенсировать это разнообразие. Таким образом я пришел к даосизму» (Воспоминания. 1998, с. 255).

Еще одна грань творчества Юнга связана с целым рядом учений **гностического** плана. По словам самого Юнга: «С 1918 по 1926 год я серьезно увлекся гностиками» (Воспоминания. 1998, с. 247). Ими же он занимался и дальше. Более того, это были не просто книжные штудии, гностики являются для Юнга духовно близкими, и его занятия алхимией и были направлены на то, чтобы через нее восстановить историческую связь с гностицизмом.

Не меньше чем гностицизмом, Юнг занимался **алхимией**. Неправильно было бы думать, что это всего лишь какое-то второстепенное хобби Юнга, которое из-за сложности, а местами и

неудобоваримости текста можно и пропустить. Его последователи пишут об этом: «Во многих обсуждениях, посвященных Юнгу, указывается, что его алхимические работы трудны для понимания и довольно запутанны. Но представить Юнга без этой части его теории означает существенно исказить его учение. Последние тридцать лет своей жизни Юнг посвятил изучению этого предмета — около четверти письменного наследия Юнга так или иначе связано с темой алхимии и средневековыми алхимическими текстами — и он написал в своей автобиографии, что именно алхимия обеспечила верное сопровождение и дала точную подоплеку его психологии... Алхимия, таким образом, представляет не только академический интерес и специальное поле исследований. Не является она и индивидуальной причудой самого Юнга, его личным пристрастием. Она есть фундаментальный факт в его представлениях о структуре личности» (Хиллман. 1996, с. 42).

Сам Юнг писал об этом так: «Довольно скоро я увидел, что аналитическая психология замечательным образом напоминает алхимию. опыты алхимиков были некотором смысле моими опытами, и мир их — моим миром. Я был рад этому открытию: наконец я нашел исторический аналог своей психологии бессознательного и обрел почву под ногами» (Воспоминания. 1998, с. 252–253).

Интересно, что в современной психотерапии и аналитической психологии много общих терминов с алхимией: «Проекция, распад, сублимация, фиксация, сгущение или конденсация — все бывшие алхимические термины» (Хиллман. 1996, с. 43). Одно из центральных психоаналитических явлений — *трансфер*, по мнению Юнга соответствует алхимическому понятию *coniunctio*, сопряжение (Воспоминания. 1998, с. 261).

Основные выводы. Вот что писал Юнг к концу своей жизни: «Я отдельная часть безграничного Божества...» (Воспоминания. 1998, с. 17). И в другом месте: «Я не могу сделать какого бы то ни было последнего вывода, я не могу до конца объяснить ни человеческую жизнь, ни самого человека. Чем старше я становился, тем меньше я понимал, тем меньше знал самого себя» (там же, с. 435). И дальше: «Я удивлен, я разочарован, и я доволен собой. Я несчастен, я подавлен, и я с надеждой смотрю в будущее. Я — все это вместе, и я не могу сложить все это воедино. Я не способен определить конечную пользу или бесполезность; я не знаю, чего стою я, и чего стоит моя жизнь. Я ни в чем не уверен до конца.

У меня нет определенных убеждений — собственно, ни о чем» (там же, с. 435).

А вот как Юнг определил ход и *результат* своей жизни: «У меня было много хлопот с моими идеями. Во мне сидел некий демон, и в конечном счете это определило все. Он переселил меня...» (Воспоминания. 1998, с. 432). Воистину, короче и яснее не скажешь: *демон переселил его*. И это вполне конкретный *духовный* факт, к которому Православная церковь отнеслась вполне определенным образом: в современном церковном «Чине отречения от занятий оккультизмом» вместе с экстрасенсорикой, биоэнергетикой, астрологией, парапсихологией и т. д. приводится и психология Карла Юнга (Чин отречения... 1996, с. 182). Воистину, имеющий уши, да услышит! Таким образом, с христианской точки зрения концепция Юнга есть духовно вредное, антихристианское учение, а с научной точки зрения оно является оккультизмом, маскирующимся под научную психологию.

В настоящее время многие псевдорелигиозные направления (деструктивные культы и секты) используют психологическое знание или мимикрируют под психологию, что может приводить и приводит к крайне негативным последствиям. Чтобы в современную научную психологию не проникали псевдонаучные и псевдорелигиозные идеи, нужны научные и религиозные критерии оценки психологических и психотерапевтических методов и направлений (Зенько. 2023).

Литература

Василий Великий свят. Творения. В 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2008.

Джонсон Р. А. Она. Глубинные аспекты женской психологии. Харьков; М., 1996. 112 с.

Вагрий Понтийский. Аскетические и богословские творения / Пер. с др. греч., вступ. ст. и комм. А. И. Сидорова. М.: Мартис, 1994. 364 с.

Зенько Ю. М. Научные и религиозные критерии оценки психологических и психотерапевтических методов и направлений // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы четвертой всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 17 октября 2023 г. СПб.: ЦХПА, 2023. С. 92–101.

Нолл Р. Арийский Христос. Тайная жизнь Юнга / Пер. с англ. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. 429 с.

Роузен Д. Дао Юнга: Пути целостности / Пер. с англ. Киев: София, 1997. 256 с.

Узланер Д. А. Эволюция взглядов К. Г. Юнга на христианство и феномен национал-социализма // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2007. № 3. С. 76–96.

Хиллман Д. Архетипическая психология / Пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1996. 158 с.

Чин отречения от занятий оккультизмом // Дороги, ведущие в ад. СПб., 1996. С. 179–183.

Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: Изд-во АСТ-ЛТД, Львов: Инициатива, 1998. 475 с.

Юнг К. Г. Психология бессознательного / Пер. с нем. М.: Изд-во АСТ, Канон+, 1991. 317 с.

Юнг К. Г. Психология и религия // Он же. Архетип и символ. М., 1991. С. 128–202.

Зенько Юрий Михайлович (Санкт-Петербург), психолог, директор Центра христианской психологии и антропологии; zenko_y@mail.ru.

Ссылка на публикацию:

Зенько Ю. М. Аналитическая психология К. Юнга, как псевдонаучное, оккультное, антихристианское учение // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы пятой всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 26 октября 2024 г. СПб.: ЦХПА, 2024. С. 62–72.